

ОЛЕГ ДОНИН

КАБИНЕТ ЭНЕРГОПРАКТИКА

ОТСТОЙНИК
ДЛЯ
ПОТЕРЯННЫХ
ДУШ

18+

Олег Донин

**Кабинет энергопрактика.
Отстойник для потерянных Душ**

«Автор»

2026

Донин О.

Кабинет энергопрактика. Отстойник для потерянных Душ /
О. Донин — «Автор», 2026

Артём Воронов умел слышать то, что скрыто. Боль, застрявшую в спине незнакомки. Страх, проросший в стенах старой квартиры. Отчаяние, витающее над городом, как ядовитый туман. Его дар был проклятием, пока он пытался им торговать, вычищая чужие страдания за деньги. Но всё изменилось в ту ночь, когда он ощутил в себе пустоту — холодную, бездонную, зовущую. Теперь за ним охотятся. Не люди — сущности из мира, что пульсирует под кожей реальности. Система «Тенектат», питающаяся искажёнными вибрациями, видит в нём редкий, опасный лот. Чтобы выжить, Артёму придётся спуститься в самое сердце тьмы — в Отстойник, канализацию всех низких частот, где растворяются души. Там, в крошечном гуле вселенской боли, он обнаруживает страшную истину: он не чистильщик. Не воин. Он — камертон. Его единственный шанс — не подавить хаос, а настроить его. Научиться слышать чистую ноту под слоями искажённого страха. Принять свою собственную рану, чтобы стать якорем для других. Но цена понимания высока.

© Донин О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Энергетическая рябь	5
Глава 2. Ржавый гвоздь памяти	8
Глава 3. Госпожа с золочёной пустотой	11
Глава 4. «Фантом» и танцующие тени	14
Глава 5. Охотник за порывами	18
Глава 6. Первая трещина	22
Глава 7. Клиенты с двойным дном	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Олег Донин

Кабинет энергопрактика.

Отстойник для потерянных Душ

Глава 1. Энергетическая рябь

Воздух в кабинете менеджера среднего звена был густым и вязким, словно испорченный мёд. Артём Воронов стоял у окна, спиной к хозяину офиса – упитанному, нервному мужчине по имени Виталий – и делал вид, что изучает вид на промзону. На самом деле он «слушал» комнату.

Его способности не были зрелищными. Никаких свечений, голосов из ниоткуда. Просто обострилось восприятие до мучительной чёткости. Сейчас он чувствовал комнату кожей. Тяжёлые, пропитанные пылью волны от книжных полок с нечитанными мотивационными бестселлерами. И главное – та самая «зависть», о которой говорил клиент. Она висела в пространстве невидимым, липким облаком, сконцентрированным вокруг кресла Виталия.

Для Артёма это было похоже на постоянный фоновый шум – назойливый гул, от которого ноет в затылке. Не давление, а скорее энергетический шум, созданный чьей-то чужой, чёрной эмоцией, которая прилипла и мешала работать.

«Чистка» была обманом и самообманом одновременно. Никаких мантр и пассов руками. Артём просто собирался, как перед прыжком в ледяную воду, и настраивал собственное внутреннее состояние на что-то нейтральное, почти пустое – как белый шум. Потом он медленно, будто раздвигая тяжёлую драпировку, начинал «вибрировать» этой пустотой, рассеивая ступок. Это отнимало силы, сравнимые с многочасовой монотонной работой. И никогда не давало полного результата – грязь уходила, но её след, подобие жирного пятна на энергетическом полотне, оставалось.

– Ну что, всё? – нетерпеливо проговорил Виталий сзади. – Чувствую, уже легче. А то прям, понимаешь, спина чесалась, и в горле комок, когда думал о Семёныче с его новым Мерсом.

Артём медленно выдохнул, отпуская напряжение. Гул стих до едва различимого фона. Он повернулся, стараясь, чтобы в глазах не читалась усталость и лёгкое отвращение.

– Всё. Рекомендую чаще проветривать. И, Виталий Петрович, подумайте о хобби. Лучшее противоядие от зависти – переключение фокуса.

– Хобби, – фыркнул клиент, уже доставая несколько купюр из ящика стола. – Время – деньги. Вот моё хобби. Держите.

Деньги пахли чужими руками, банкоматом и чем-то сладковатым, почти затхлым. Артём сунул купюры во внутренний карман куртки, не считая, кивнул и вышел, стараясь дышать глубже, пока шёл по коридору к лифту. Его собственный «офис» в этой же бизнес-галерее был в половину меньше, с небольшим окном и пах кофе и старой бумагой. Он туда даже не зашёл, просто глянул на дверь с табличкой «Специалист по коррекции биоэнергетических полей» и пошел дальше. До конца дня приёмов сегодня не было.

Вечер был тихим, ясным, весенним. Городской воздух на парковке у дома казался даже освежающим после духоты офисных клоповников. Артём постоял минут пять, прислонившись к своей старой машине, и просто смотрел на уходящее солнце в закате.

Дверь квартиры открылась, и на него обрушилась волна тепла, запахом тушёной с укропом картошки и звонким, пронзительным: «Па-а-а-па!»

Катя, его семилетняя метеор, влетела в него, обвив руками колени. Он подхватил её на руки, зарылся носом в её волосы, пахнувшие детским шампунем и яблоком, и на секунду позволил себе ничего не «чувствовать». Просто быть.

– Лётчик Воронов с задания вернулся, – проговорил он, ставя дочь на пол. – Что у нас на ужин? Картошка-диверсант?

– С укропом! – серьёзно сообщила Катя. – Мама сказала, это камуфляж для витаминов.

Из кухни вышла Ольга, вытирая руки о полотенце. На ней были простые домашние лосины и растянутая кофта, волосы собраны в небрежный хвост. Она не сказала ничего. Просто посмотрела. Её взгляд был тёплым, спокойным, принимающим. Таким, каким он бывает только у людей, которые знают тебя до самого дна и всё равно остаются рядом. В её ауре, которую Артём видел всегда, но научился почти не замечать, царили ровные, мягкие волны энергии цвета спелой пшеницы и глубокой, тихой синевы. Это был самый чистый и гармоничный источник, который он знал. Просто находясь рядом, он чувствовал, как с него, с Артема осыпается налипшая за день грязь.

– Всё нормально? – спросила она, и в этих двух словах было всё: «Как твой день? Не слишком ли устал? Опять имел дело с чем-то мерзким?».

– Нормально, – честно ответил он, подходя и прижимаясь губами к её виску. – Обычный день. Скучный.

Они поужинали. Катя тараторила о школе, о подруге, о нарисованном ею портрете котика-космонавта. Ольга поддакивала, улыбалась, поправляла дочке бантик. Артём молча ел, слушал и чувствовал, как что-то внутри, долго будучи сжатым в тугой, болезненный узел, потихоньку расправляется. Это и была его самая главная практика – практика возвращения в человеческое.

Потом был ритуал укладывания Кати, чтение сказки, смех в полутьме. Потом тишина.

Они сидели на кухне, допивая чай. Ольга что-то рассказывала про сложного ученика, а Артём смотрел на неё и думал, что ему дико повезло. Что эта женщина, с её практичной мудростью и тихой, непоказной силой, – его главный и единственный оберег от того хаоса, который он носил в себе и который видел снаружи.

– Пойдём спать, – тихо сказала Ольга, прерывая его мысли. – Ты сегодня какой-то отсутствующий.

– Иду, – кивнул он.

Они легли. Ольга почти сразу уснула, её дыхание стало ровным и глубоким. Артём лежал на спине в темноте, глядя в потолок, и позволил дню окончательно отступить. Только сейчас, в полной тишине и безопасности, он мог позволить себе по-настоящему *посмотреть*.

Он повернул голову к жене. В ночной тишине её очертания были едва различимы. Он мягко, почти не фокусируясь, перевёл внутренний взгляд на её энергетическое тело. Там, как всегда, светилась знакомая, успокаивающая синева и золото, ровное и глубокое, как озеро в безветренный день. Его глаза начали слипаться.

И тут он увидел её.

Едва уловимую, тонкую, как паутина, трещинку. Она проходила не по самой ауре, а словно в пространстве *рядом* с ней, от левого плеча Ольги и терялась где-то у изголовья кровати. Это не было чёрным или грязным. Это было похоже на едва заметный сбой в матрице реальности, на микроскопическую трещину в идеальном стекле. Что-то, чего не должно было быть. Что-то, чего он *никогда раньше не замечал*.

Артём замер, полностью проснувшись. Он прикрыл глаза, потом снова открыл, стараясь сфокусироваться. Трещинка была на месте. Не пульсировала, не светилась, просто *была*. Чужеродная. Мёртвая. Никаких эмоций от неё не исходило – ни страха, ни угрозы. Только абсолютная, леденящая пустота. Как шрам, забытый даже телом, которое его носит.

Он медленно, чтобы не разбудить жену, поднял руку и провёл пальцами в сантиметре от того места, где висел конец этой паутинки. Ничего. Ни холода, ни покалывания. Только тихий ужас, медленно поднимающийся из желудка.

Что это? Откуда? Как давно?

Он лежал и смотрел на эту аномалию, пока глаза не начали болеть от напряжения. Трещинка не менялась. Она просто существовала. Немая, необъяснимая метка.

И только под утро, когда первый сизый свет начал заливать комнату, трещинка наконец растворилась. Артём встрепенулся от осознания.

Он понял, что боялся не за Ольгу. Он боялся, что эта трещинка была там всегда. И что он, с его способностью *видеть*, заметил её только сейчас.

Значит, что-то изменилось. В ней? В нём? Или в мире, тонкую ткань которого он лишь смутно ощущал?

Артём закрыл глаза, отвернулся к стене и попытался убедить себя, что это просто навязанные образы от усталости. Следствие вороха чужих проблем, принятых сегодня на себя. Искушение искать тайный смысл в случайной энергетической ряби.

Но ощущение ледяной пустоты от того места, где была трещинка, не проходило. Оно осталось с ним, как забытый в кармане холодный камень.

Глава 2. Ржавый гвоздь памяти

Артём проснулся от собственного учащённого сердцебиения, ещё не успев открыть глаза. Остаток ночи проплыл в тревожных, бесформенных снах, где он пытался заклеить что-то липкой лентой, но та бесконечно расплзалась. Первым делом он рванул внутренним взглядом к тому месту, где виделась аномалия. Ничего. Только спокойная, глубокая аура спящей Ольги. Он почти вздохнул с облегчением, но тут же поймал себя: отсутствие симптома не отменяет болезни.

За завтраком царила обычная суета. Катя никак не могла найти вторую перчатку, Ольга разогревала кашу, напоминая о родительском собрании. Солнце било в окно, выхватывая пылинки в воздухе. Всё было так прочно, так нормально, что вчерашний страх стал казаться ему бредом переутомлённого сознания. Он даже позволил себе улыбнуться, ловя на лету летящую на пол ложку, которая выскользнула из Катиных рук.

– Пап, ты как супергерой! – восхитилась дочь.

– Супергерой-посудомойщик, – парировал он, отправляя ложку в раковину.

Идиллия длилась ровно до того момента, пока он, уже собравшись, сел на пять минут в кресло с телефоном, чтобы проверить почту. Новостная лента услужливо подсунула ему заголовок местного паблика: **«В овраге за Северным обходом найдено тело молодой женщины»**.

Он щёлкнул по заголовку машинально, ещё с улыбкой от детской возни в голове. Короткая заметка: тело обнаружили случайные прохожие, предварительно – насильственная смерть, личность устанавливается. Без подробностей, без фото. Обычная городская хроника, трава у дома.

Но его взгляд зацепился за слова «Северный обход». И ещё – «овраг». В ушах внезапно зазвенела тишина, а в висках застучал тупой, знакомый молоточек. Он оторвался от экрана, пытаясь отдышаться, но было поздно. Память, этот коварный пес, давно рывшийся в кустах забытья, уже вцепился в горло и потащил назад.

Не овраг. Ров. Противотанковый, наспех выкопанный, с осыпавшимися краями. Не весна. Осень, грязь, пахнет гарью, порохом, сырой землёй и чем-то сладковато-приторным, от чего сводит скулы. Он, совсем еще не обстреленный, с небритой щетиной, колючей от пота, ползёт по пластунски, прижимаясь к холодной земле. Цель – проверить, не засели ли там те, кто только что расстрелял их грузовик. В ушах – звон, перекрывающий все звуки. Он подползает к краю, осторожно заглядывает.

Там не тело. Там – ошметки. То, что когда-то было людьми. Его мозг отказывается складывать цветные окровавленные пятна камуфляжа, тёмные лужи, неестественные, оторванные конечности в целостную картину. Это абстракция. Ужасная, но абстракция. И тогда он, чтобы не сойти с ума, чтобы отстраниться, делает единственное доступное – не видеть глазами. Просто чувствовать пространство.

И чувствует. Ничего.

Там, в телах, где должно быть биополе живого или медленно гаснущий след недавно ушедшего, – абсолютный вакуум. Мёртвая зона. Как будто жизнь не просто покинула эти тела, а была вычерпана, высосана без остатка, оставив после себя лишь холодные, инертные «скорлупки». И этот холод, эта энергетическая пустота, страшнее любого вида ран. Она поднимается из рва, обволакивает его, лезет в лёгкие, в поры. Он не может пошевелиться, не может отвести взгляд. Он чувствует, как эта пустота хочет поглотить и его. Чтобы и внутри него стало так же тихо.

«Воронов! Ты живой?!» – чей-то далёкий, искажённый голос. Рывок за бронезилет. Его оттаскивают. Он давится воздухом, как водой, и его рвёт.

– Артём?

Он вздрогнул, выронив телефон. Перед ним стояла Ольга, её лицо было напряжённым, глаза изучающими. Она держала его за плечо.

– Ты здесь? – спросила она тихо, тем особенным тоном, который использовала только в такие моменты.

Он кивнул, сглотнув комок в горле. Губы казались одеревеневшими.

– Здесь. Просто... новости. Дурные.

Она посмотрела на экран телефона, лежащего на полу, и её взгляд смягчился пониманием. Она ничего не сказала о войне. Никогда не говорила. Просто подняла телефон, сунула ему в карман и поправила воротник куртки.

– Иди. Работа ждёт. Вечером поговорим.

Он вышел на улицу, и холодный воздух обжёг лёгкие. Воспоминание отступало, оставляя после себя привычный, выщербленный внутренний пейзаж – чувство вины выжившего, которое он научился глушить, как фоновый шум. Но сегодня с ним было что-то ещё. Не вина. Предчувствие. Тот самый холод пустоты из сна и из рва будто прилип к подошвам и теперь тащился за ним по асфальту.

Рабочий день должен был стать рутинной, лекарством. Первый клиент – женщина с «паническими атаками», которые на тонком плане выглядели как клубящиеся, колючие шарики страха, запутавшиеся в её энергосистеме. Артём работал на автопилоте: нашёл узлы, осторожно, словно разматывая клубок, рассеял их, наполнил пространство вокруг неё спокойной, прозрачной вибрацией. Механика. Она ушла, благодаря, с сияющими глазами. Он не чувствовал ничего, кроме усталости. Пустота из прошлого ночи и утра сидела в нём, как ржавый гвоздь.

Второй клиент опаздывал. Артём сидел в своём кабинете, тупо глядя на стену с дешёвой репродукцией водопада, и пытался не думать. Не думать о трещине. Не думать о пустоте в том рву. Не думать о том, что между ними может быть связь. Это было безумием.

Дверь в кабинет, которую он не запер, с силой распахнулась, ударившись о стену. В помещение ввалился мужчина. Ему было лет за пятьдесят, лицо обветренное, опухшее, глаза мутные и бегающие. От него пахло перегаром, дешёвым одеколоном и потом. Одежда – потрёпанная куртка, брюки – были в пятнах.

– Ты! Тот самый, биоэнергетик?! – его голос был хриплым, срывающимся на крик.

Артём медленно встал из-за стола, оценивая ситуацию. Агрессия, алкоголь. Стандартный набор.

– Приём по записи. И вы не в том состоянии...

– Я в том состоянии, в каком ты меня сделал! – мужчина шагнул вперёд, пошатнулся и схватился за косяк. – Всех нас! Ты всех нас заразил!

Слова были пьяным бредом. Но что-то заставило Артёма напрячься. Он перевёл взгляд на мужчину, уже не как на неадекватного посетителя, а как на объект. И ахнул.

Обычно «грязь» на людях выглядела органично – сгустки страха, петли злости, липкая паутина зависти. Это было частью их, рождённые их же эмоциями. То, что он увидел сейчас, было другим. Чужеродным.

От левого плеча мужчины, из области ключицы, тянулся тонкий, едва видимый шнур. Он был не цвета, а скорее искажением пространства, как дрожащий воздух над асфальтом в жару. Но не тёплый. Ледяной. Этот шнур уходил куда-то вниз, сквозь пол, и пульсировал слабыми, неживыми всплесками. Он не питался от мужчины. Он был *присоединён*. Как медицинская капельница, по которой что-то капало в этого человека. И по этому «каналу» в клиента текло нечто, что Артём никогда раньше не видел: не эмоция, а её гротескная искажённая форма. Отчаяние, вывернутое наизнанку, превращённое в чёрную, тяжёлую субстанцию, похожую на

застывшую нефть. Она медленно растекалась по энергетическому телу мужчины, замещая его собственные, слабые вибрации.

Это не было человеческим. Это было сделано.

– Что вы... что с вами? – тихо спросил Артём, забыв об опасности.

– Говорю же – заразил! После тебя! – мужчина выдохнул слюной и злобой. – Было плохо, а стало... стало вообще... пусто. Всё чёрное. Как в яме. Ты эту яму мне в душу посадил!

Мужчина сделал нервный шаг вперёд, но его ноги подкосились. Он грузно осел на пол, прислонившись к стене, и внезапно зарыдал – не горько, а безнадежно и устало, как плачут дети, которых уже ничем не утетишь.

Артём стоял, парализованный. Он смотрел на этот жуткий, искусственный канал, на втекающую в человека чёрную пустоту, и его мозг отчаянно искал аналогии. Нашёл только одну: тот самый ров. Та же пустота. Тот же холод.

Это не было совпадением.

Его рука сама потянулась к телефону в кармане. Надо вызвать скорую для этого бедолаги. Надо... Но он не мог оторвать глаз от энергоследа. Он подошёл ближе, игнорируя запах и всхлипы, и осторожно, почти не дыша, протянул руку к месту, где шнур входил в тело.

За сантиметр до него пальцы наткнулись на невидимый барьер. Не на защиту, а на абсолютный холод. Такой, что кожа заныла. И в этот миг шнур дёрнулся, как живой. Мужчина на полу застонал и выгнулся.

Артём отпрянул. Шнур исчез. Слово его и не было. Но чёрная, тяжёлая субстанция внутри клиента осталась, теперь уже медленно впитываясь, становясь частью его.

«Ты всех нас заразил».

Артём медленно отступил к своему столу, нащупал телефон. Его пальцы дрожали. Он набрал номер скорой, сообщил адрес, сказал, что человек в неадекватном состоянии, возможно, алкогольный психоз. Положил трубку. Посмотрел на мужчину, который теперь просто сидел, уставившись в стену, с пустыми глазами. В них отражался тот самый овраг.

Он заразил его? Нет. Это было абсурдно. Но что-то *через него* добралось до этого человека. Клиент прошлой недели? Месяца? Он не помнил этого лица. Но след... этот нечеловеческий след был реален.

Он подошёл к окну и вытер влагу со лба. За стеклом город жил своей жизнью, яркий, шумный, не подозревающий, что по его энергетическим артериям уже могут течь чёрные, холодные токсины. А он, Артём Воронов, бывший военный, а ныне чистильщик аур, только что увидел симптом болезни, которой не знал названия.

И самое ужасное было в том, что эта чужая пустота отдалённо, очень отдалённо, но напоминала ту самую тихую, беззвучную трещину, что он увидел прошлой ночью рядом со своей спящей женой.

Глава 3. Госпожа с золочёной пустотой

Прошло три дня. Три дня, за которые Артём успел сделать две вещи: окончательно уверить себя, что история с пьяным клиентом – случайное совпадение утомленной фантазии и бытового ужаса. И просто начал замечать тени.

Не метафорически. Обычные, бытовые тени, отбрасываемые шкафом, вазой, торшером. Они вели себя, в общем-то, как и положено теням. Но иногда, краем глаза, ему казалось, что их движение на долю секунды отстаёт от движения объекта или продолжается, когда объект уже замер. Или что в их глубине, особенно вечером, шевелится что-то более тёмное, вязкое. Он списывал это на переутомление и навязчивые мысли. Мозг, получив установку на опасность, начинал искать её повсюду. Паранойя – классический спутник его старой жизни, бумерангом вернувшийся в новую.

Ольга заметила его напряжённость. Не спрашивала, просто стала чаще молча приносить ему вечером чашку ромашкового чая и класть руку на плечо, ненадолго задерживая её там. Этот простой жест – тёплая, живая ладонь через ткань рубашки – был сильнее любых его медитаций. Он был как артефакт, включателем в успокаивающее состояние.

Приёма в среду не намечалось. Артем лениво сидел, пытаясь разобрать свои же каракули в блокноте с наблюдениями, когда в дверь постучали. Не как обычно – с неуверенностью или напором, а тремя чёткими, отмеренными ударами. Дребезжащее стекло на двери звякнуло.

«Входите», – не успел он крикнуть, как дверь открылась.

В кабинет вошла женщина. И с её появлением воздух словно сменил плотность, стал томным, сладковатым, наполнился запахом дорогих духов с ноткой кожи и увядающих белых цветов. Ей было около сорока пяти, но выглядела она на тридцать девять с безупречным, дорогим вкусом. Платье – тёмно-синее, простого кроя, но сидевшее так, что понимаешь: его цена равна стоимости его скромного автомобиля. Волосы, черные как смоль, собраны в строгую, но не лишённую чувственности укладку. Лицо – красивое, с правильными, чуть заострёнными чертами и огромными глазами, цвет которых колебался между серым и холодной аквамариновой зыбью. В них светился не привычный клиентский страх или надежда, а сосредоточенный, почти хищный интерес.

– Артём Воронов? – её голос был низким, бархатистым, с лёгкой хрипотцой. В нём не было вопросительной интонации. Она знала, что пришла по адресу.

Он кивнул, поднимаясь.

– Чем могу помочь?

– Меня зовут Лилит, – сказала женщина, легко скользнув в кресло для клиентов, будто занимала трон. Её движения были плавными, экономичными, но в каждой мышце чувствовалась скрытая сила, напряжение дикой кошки в состоянии покоя. – Мне сказали, вы можете... видеть больше, чем другие. Чувствовать.

«Мне сказали». Кто? Он не рекламировался в таких кругах. Его клиентура – офисные работники, запутавшиеся жёны, суеверные бизнесмены.

– Я практикую коррекцию биополя, – осторожно сказал Артем, садясь. – Работаю с последствиями стресса, навязчивыми состояниями...

– Моя сестра пропала, – отрезала Лилит, не меняя тона. – Месяц назад. Полиция разводит руками. Частные детективы – бесполезные жуки. Мне нужен... другой взгляд.

Она положила на стол тонкий конверт. Из него, когда Артём потянулся, выскользнули пара крупных купюр и фотография. На снимке – улыбающаяся женщина лет тридцати, с лёгким сходством с Лилит, но более мягкая, открытая. В глазах – жизнерадостность, смешанная с лёгкой беспечностью. Сестра.

– Я не ишу пропавших, – Артём попытался вернуть конверт. – Я не экстрасенс в телевизионном смысле. Я...

– Вам нужен её предмет? Вещь? – Лилит проигнорировала его слова. Она достала из сумочки браслет – несколько сплетенных золотых цепочек с небольшим бирюзовым камнем. – Вот. Это её. Носила перед... исчезновением. Хватает?

Он смотрел на браслет, чувствуя, как ситуация выскальзывает из-под контроля. Деньги были очень серьёзным аргументом. Они пахли не просто возможностью закрыть ипотечный платёж, а воздухом свободы, запасом прочности для семьи. Но всё его нутро кричало об опасности. Эта женщина была не тем, кем казалась.

– Давайте я хотя бы попробую провести диагностику, – сказал он, уступая, но не тому, что на поверхности. Ему нужно было *посмотреть* на неё. Понять, что за зверь пришёл в его нору.

– Диагностику? На что? – Лилит слегка приподняла бровь, уголок её рта дрогнул в подобии саркастической улыбки.

– На стресс. На состояние вашего поля. Потеря близкого – тяжёлый удар.

Она протянула руку через стол, медленно, как будто совершая ритуал. Её запястье было тонким, с изящными голубыми венами. Артём не стал делать вид, что ему нужен контакт. Он просто откинулся в кресле, позволив глазам расфокусироваться, и направил своё восприятие на неё.

И увидел.

Снаружи – великолепная, отлаженная конструкция. Энергетический шёлк. Дорогой, сложный, переливающийся. Искусственная аура, созданная, чтобы ослеплять и отталкивать. В глубине... не горе. Не печаль по сестре. Там была пустота. Но не мёртвая, как в том пьяном клиенте или на войне во рву. Эта пустота вибрировала. Она была активной, жадной, ненасытной. Она не была отсутствием чего-то – она была чёрной дырой, обёрнутой в золочёную бумагу. И она всасывала в себя всё: его настороженный взгляд, свет лампы, сам воздух в комнате, обещающая взамен... что? Сладкое забвение? Всемогущество? Секс? Всё сразу. Это была не просто нимфоманка в богатом обличье. Это был ходячий голод, одетый в «Шанель».

Он резко оборвал энергетический контакт, ощутив лёгкое головокружение, будто его только что попытались высосать через тонкую соломинку.

– Ну? – спросила Лилит, не убирая руку. Её глаза блестели холодным любопытством. Она знала, что он что-то увидел.

– Вы... в сильнейшем энергетическом дисбалансе, – выдавил Артём, подбирая безопасные слова. – Очень глубокое подавление эмоций. Это... опасно.

– Опасно для кого? Для меня? – она мягко рассмеялась. – Милый мой, опасность – это скука. А я не скучала уже лет двадцать. Нашли ли вы хоть какой-то след? Отпечаток сестры?

Артём заставил себя снова посмотреть, уже на браслет. От вещи исходил слабый, почти стёршийся след. Девушка с фотографии. Жизнерадостность, лёгкая ветреность, тяга к чему-то яркому. И... резкий, химически-сладкий шлейф. Знакомый. Шлейф того места, где царил культ такого же пустотного, но более примитивного голода. Клуба. Бар. Ночное заведение.

– Она часто бывала в местах... активного отдыха? Клубах? – спросил он.

В глазах Лилит вспыхнул настоящий, живой интерес.

– Да. Особенно последнее время. Она говорила про один... особенное место. «Фантом». Вы знаете такой?

Артём знал. Все знали. Самый модный, самый закрытый, самый дорогой клуб в городе. Ходили легенды о том, что там творят. Он покачал головой, делая вид, что нет.

– След очень слабый, – сказал он честно. – Я не могу сказать больше.

– Тогда вам нужно поехать туда, – мягко, но непрекаемо заявила Лилит. – На место. Ощутить атмосферу. «Считать», как вы, наверное, выражаетесь. Я всё устрою. Вас внесут в гостевой список. Сегодня вечером.

– Я не могу, – автоматически возразил Артём. – У меня семья, я...

– Семью нужно кормить, – она кивнула на конверт с деньгами. – И одаривать. За один вечер – половина этой суммы. Вторая половина – за любую информацию, которая приведёт меня к сестре. Вам не нужно ничего делать, кроме как быть там и смотреть своими... особенными глазами.

Соблазн был чудовищным. И не только денежный. Сама эта женщина, эта вибрирующая пустота в шёлковой обёртке, была опасным магнитом. В ней было обещание выйти за рамки убогой рутины «чисток», прикоснуться к чему-то тёмному и сильному. К той самой изнанке мира, следы которой он уже начал замечать.

Он возненавидел себя в тот момент, когда кивнул. И в тоже время азарт и интрига сделали своё дело.

– Только на час. И я ничего не гарантирую.

– Час – достаточно, – Лилит встала, её движения вновь стали плавными и грациозными. Она оставила конверт и фотографию на столе. – В девять вечера. Буду ждать вас у входа. И, Артём... – она обернулась на пороге, и её взгляд стал тяжёлым, пронизывающим. – Будьте осторожнее с тенями в углах. Иногда они смотрят в ответ.

Она вышла, оставив за собой шлейф дорогих духов и ощущение ледяного сквозняка.

Артём замер. Его кровь стыла в жилах. Он медленно, преодолевая сопротивление мышц, повернул голову к дальнему углу кабинета, за шкафом с папками, где всегда лежала густая, не рассеиваемая тень.

Тень шевельнулась. Не потому, что сдвинулся источник света. Она сжалась, сгустилась, приняла на мгновение нечто, отдалённо напоминающее очертания сгорбленной человеческой фигуры с неестественно вытянутой шеей, и тут же расплылась, вернувшись к обычным бесформенным очертаниям.

В ушах зазвенела тишина. То самое мгновение, что бывает перед взрывом. Он сидел в своём убогом кабинете, сжимая в потных ладонях конверт с деньгами, и понимал, что только что продал не просто час своего времени.

Он продал себя. И что-то в тёмном углу комнаты уже начало подсчитывать его стоимость.

Глава 4. «Фантом» и танцующие тени

«Фантом» оказался не кричащей неоновой коробкой, а приземистым, вытянутым зданием из тёмного стекла и ржавых панелей из кортен-стали на краю города. Оно выглядело как инопланетный корабль, прилипший к кирпичным бокам дореволюционной фабрики. Без вывески, без очереди. Только узкая щель входа, подсвеченная снизу матовым неоновым-багровым светом, и два непроницаемых исполина у дверей с ничего не выражающими лицами.

Лилит кивнула одному из них. Тот молча отступил, и тяжёлая дверь, обитая чёрным металлом под старину, беззвучно отъехала в сторону, выпустив наружу вздох – густой, тёплый, состоящий из басового гула музыки, запаха дорогого табака, кожи, пота и чего-то сладкого, химически-приторного, отчего сразу пересыхало во рту.

Войти внутрь было похоже, как шагнуть в другую атмосферную прослойку. Давление изменилось. Звук не бил в уши, а обволакивал, вибрировал в грудной клетке и костях черепа. Свет – не светил, а *разрезал лучами*: вспышки индиго и кроваво-красного прорезали клубящийся дым, выхватывая на микросекунды фрагменты тел в экстатическом танце, блики на стёклах, отражения в чёрных зеркальных стенах. Воздух был сладким и тяжёлым, как сироп. Им было трудно дышать.

Артём замер на пороге, позволив волне внутренней атмосферы прокатиться через себя. Его дар, всегда находившийся в полутени, взвыл от перегрузки. Он зажмурился на секунду, пытаясь собраться, выстроить внутренний щит. Белый шум. Нейтралитет. Но здесь не было ничего нейтрального. Каждый квадратный сантиметр пространства кричал, стонал, смеялся визгливым смехом низкочастотных вибраций.

– Привыкайте, – голос Лилит прозвучал прямо у его уха, перекрывая гул. Она взяла его под локоть, её прикосновение было холодным, как металл двери. – Первый раз всегда шокирует. Не пытайтесь всё понять. Просто... впитывайте.

Она повела его вглубь, мимо бара, где жидкость в бокалах светилась собственным, ядовитым флуоресцирующим светом, мимо полутемных альковов, где силуэты сливались в единые, пульсирующие тени. Артём шёл, чувствуя кожей, как на него липнут взгляды. Не любопытные, а *оценочные*. Как будто он был не человеком, а инородным образцом, внесённым в неестественную среду.

И тогда он позволил себе *посмотреть* по-другому. Не глазами. Тем внутренним зрением, что было обострено до боли.

Физический мир – танцпол, бар, люди – отплыл, стал полупрозрачным фоном. А на передний план выступило *это*.

Тонкий план здесь не был отдельным измерением. Он был гноящейся подкожной тканью реальности, прорвавшейся наружу. Воздух «Фантома» кишел. Не метафорически. В пространстве между людьми, в дымах, в самих лучах света кишели сущности. Они не были демонами из гримуаров. Они были примитивными, голодными, почти безликими сгустками низкочастотной энергии. Одни, похожие на жирных, полупрозрачных пиявок, присасывались к затылкам танцующих, высасывая выбросы бездумного экстаза. Другие, напоминающие лохматых, многосуставных пауков, сидели в углах, сплетая клейкие сети из сплетен и злорадства, которые висели в воздухе липкой паутиной. Третьи – мельчайшие, как искрящаяся пыль, – роем вились над столами, подхватывая капли пролитого алкоголя, обрывки лживых клятв и обещаний.

Это была не оргия. Это был конвейер. Фабрика по переработке человеческих низменных эмоций в нечто, что эти твари могли потребить. И люди, эти красивые, богатые, упитанные люди, были не жертвами. Они были *стадом*. Добровольными, щедрым донорами.

Артём почувствовал, как его собственный щит, его белый шум, начал давать трещины под напором этой всеобъемлющей гнили. Его тошнило. Не метафорически. Спазм подкатил к горлу, горькой волной. Он остановился, упёршись ладонью в холодную стену, чтобы не упасть.

И в этот момент его накрыло.

Не воспоминание. Явь. Более реальная, чем зеркальные стены вокруг.

Звук. Не бас, а глухой, разрывающий барабанные перепонки удар. Грохот обрушения. Крики. Но не здесь. Там. Вон та ниша с красной бархатной портьерой – на её месте вдруг возникает проём развороченного снарядом дома. Из темноты на него смотрит не пара влюблённых, а женщина. Она не плачет. Она держит на руках что-то завернутое в серое тряпье. Её глаза пусты. Аура... у неё нет ауры. Только та самая леденящая пустота, что он видел во рву. И он чувствует это пустое место кожей, всеми нервными окончаниями, как физическую боль, как разрыв в ткани мира. Он чувствует, как эта пустота хочет расползтись, вобрать в себя и его, чтобы прекратилось это невыносимое чувство – чувство вины, боли, беспомощности. Он хочет закричать, но не может. Он хочет помочь, но не знает как. Он просто стоит и чувствует. Чувствует её потерю, её мёртвого ребёнка, свою никчёмность, пыль на губах, запах гари и смерти...

– Артём. – Голос Лилит прозвучал, как удар хлыста. Чьи-то пальцы впились ему в запястье с такой силой, что кости хрустнули.

Видение внезапно оборвалось. Он стоял, обливаясь ледяным потом, прислонясь лбом к прохладному стеклу стены. Сердце колотилось где-то в горле. Вокруг всё было на месте: танцпол, музыка, твари в воздухе. Никакого разрушенного дома. Только красная портьера.

– С вами всё в порядке? – спросила Лилит. В её голосе не было беспокойства. Был холодный, клинический интерес. – Вы побледнели.

– Воздуха... не хватает, – прохрипел он, отстраняясь от стены, вырывая руку. Его пальцы дрожали. Он судорожно слотнул, пытаясь вернуть контроль. Провал был слишком глубоким, слишком реальным. Это была не просто память. Это было *проживание* заново. Здесь. Среди этого пиршества низости.

– Пойдёмте в VIP-зону. Там тише, – сказала Лилит, и её губы тронула едва заметная улыбка. Она вела его дальше, мимо танцпола, к массивной, чёрной двери, у которой стоял ещё один охранник. На этот раз человек – худощавый, с лицом аскета и глазами старого хамелеона, бесстрастными и всевидящими. Он молча отступил, пропуская их.

За дверью царствовала другая акустика. Звук сюда доносился приглушённым, далёким гулом. Здесь было просторно, темно и нарочито аскетично: полированный бетонный пол, низкие диваны из чёрной кожи, стены, представлявшие собой гигантские аквариумы, где медленно плавали причудливые, фосфоресцирующие рыбы. Их холодный, мерцающий свет был единственным освещением. Воздух был чище, но от этого лишь отчётливее чувствовалась та тяжёлая, наркотическая сладость.

И здесь тоже кишмя кишели сущности. Но другие. Крупнее, сложнее, сытее. Они не метались, а плавно парили в воздухе, как скаты или манты, с достоинством хищников, кормящихся с барского стола. Артём видел, как один такой, похожий на тень с множеством щупалец, обвил плечи сидящего в углу мужчины, а тот, не замечая ничего, томно закинул голову и засмеялся, выпуская струйку сизого дыма. Способности Артёма фиксировали чёрный, маслянистый поток, перетекающий от человека к сущности. Страх. Не панический, а сладкий, томный страх потери контроля. И сущность смаковала его, как дорогой ликёр.

– Подождите здесь, – сказала Лилит, оставляя его у бара, где бармен-призрак молча смешивал жидкости, светящиеся в темноте. – Я представлю вас хозяйке.

Артём остался один, чувствуя себя всё тем же образцом под микроскопом. Он пытался не смотреть прямо на плавающих в аквариумах-стенах тварей, но ощущал их внимание. Они *знали*, что он их видит. Им это, похоже, было любопытно.

И тогда он почувствовал её. Ещё до того, как увидел.

Вся комната, всё её пространство, включая этих сытых монстров, словно сделало лёгкий, почтительный реверанс. Музыкальная волна на мгновение изогнулась, подстраиваясь. Свет от аквариумов замер, а потом пульсировал в новом, более медленном ритме.

Она вышла из темноты в дальнем конце зала, как корабль из тумана.

Морена.

Ей можно было дать и сорок, и пятьдесят пять – и ни одна цифра не казалась бы правильной. Время на ней не то чтобы остановилось, а текло по каким-то своим, извилистым законам. Высокая, в ярко-алом платье, которое не столько облегало, сколько *плелось* за ней, как живая тень. Волосы – выбеленные, почти серебряные, спадая подчеркивая её незаурядность. Лицо – красивое, но красота эта была ледяной и безжизненной, как у античной статуи, которую использовали в ритуалах слишком долго. Глаза – огромные, цвета старого льда, с почти вертикальными зрачками, как у кошки. И это не были контактные линзы. Это были её глаза.

Она шла медленно, и с каждым шагом мир вокруг слегка *осыпался*. Не физически. На тонком плане. Казалось, реальность не выдерживает её присутствия и крошится по краям, обнажая ту самую тёмную, кишашую изнанку, которой здесь дышали.

Лилит скользнула к ней, что-то шепнула, кивнув в сторону Артёма. Морена повернула голову. Её взгляд был тяжёлым, осязаемым. Он прошёлся по Артёму с головы до ног, и тому показалось, будто с него сдирают кожу, слой за слоем, обнажая все трещины, все страхи, весь тот ржавый гвоздь памяти.

Она приблизилась. От неё не пахло ничем. Это было самым странным. Вокруг бушевали запахи, а от неё исходила только... тишина. Абсолютная звуковая пустота.

– Артём Воронов, – произнесла она. Её голос был низким, грудным, и в нём звенели крошечные осколки. – Лилит говорит, вы умеете видеть. Что вы видите сейчас?

Он заставил себя встретиться с её ледяным взглядом.

– Я вижу клуб. Людей.

– Скучно, – она сделала лёгкий, разочарованный жест. – Все видят людей. Я спрашиваю о другом. О моих... постоянных посетителях.

Она знала. Конечно, знала.

– Я вижу энергетические аномалии, – сказал он, выбирая слова с осторожностью. – Связанные с сильными эмоциями.

Морена улыбнулась. Её улыбка не дошла до глаз.

– «Аномалии». Мило. Они – атмосфера. Декор. Основа бизнеса. Без голодных... гостей, – она кивнула в сторону парившей в воздухе тени-манты, – не было бы и сытых клиентов. Вам понравилось у нас?

Её рука, длинная, бледная, с тонкими, чуть слишком длинными пальцами, поднялась. Не для рукопожатия. Она медленно, почти нежно, провела кончиками пальцев по его кисти, лежавшей на стойке бара.

Прикосновение было сухим и холодным, как чешуя.

И внутри Артёма, в самой глубине черепной коробки, прямо за глазами, раздался звук.

Тихий, бесконечно длящийся хруст разбитого стекла.

Не метафора. Физиологическое ощущение. Будто хрустальный бокал треснул у него в мозгу, и теперь осколки, мелкие, острые, вибрируют, впиваясь в ткань сознания. Боль была не сильной, но невыносимой своей чужеродностью. Это был звук ломающейся защиты. Звук того, как что-то чужое ставит на него свою метку.

Он дёрнул руку, но Морена уже отпустила её. Её ледяные глаза светились едва уловимым удовлетворением.

– Интересная резонансная частота, – заметила она задумчиво. – Грубая, солдатская. Но с трещиной. Глубокой. Такие всегда... звучат громче. И привлекают больше внимания.

Звон в голове постепенно стихал, оставляя после себя странную пустоту и тонкую, как лезвие, тревогу. Метка. Его поместили.

– Внимания кого? – спросил он, и голос прозвучал хрипло.

– О, вы знаете, – Морена обвела взглядом зал, где плавали твари из тонкого плана. – Голодных всегда больше, чем еды. А вы... пахнете чем-то новым. Неиспорченным. Военным горем. Это редкая, терпкая приправа.

Лилит, стоявшая чуть позади, мягко кашлянула.

– Мы здесь по делу, Морена. Его интересуют следы.

– Следы? – повторила хозяйка «Фантома», не отводя взгляда от Артёма. – Всё, что приходит сюда, оставляет следы. Некоторые – навсегда. Ваша сестра, Лилит, была... щедрой на эмоции. Яркой. Её след ещё не остыл. Он ведёт вглубь.

– Вглубь? – переспросил Артём.

– В нижние залы, – пояснила Морена. – Где вкусы становятся тоньше, а аппетиты – изощрённее. Но туда нужен особый пропуск. И особое... понимание правил.

Она снова посмотрела на него, и в её взгляде было предложение. Опасное, сладкое, как яд.

– Возможно, вы захотите изучить наши правила поближе, Артём Воронов. Для человека, который *видит*, здесь могут открыться большие возможности. Большие, чем чистка аур менеджеров. Вы можете не только видеть голод... но и кормить его. Или управлять им. За соответствующую плату, разумеется.

Соблазн висел в воздухе, гуще дыма. Власть. Понимание. Возможность наконец-то не быть жертвой этого дара, а использовать его. И деньги. Очень большие деньги.

– Мне нужно подумать, – выдавил он.

– Конечно, – Морена кивнула, как будто и ожидала этого. – Подумайте. Но недолго. Следы имеют свойство исчезать. И голодные... ждать не любят.

Она повернулась и поплыла прочь, обратно в темноту, её платье-тень волочилось по полированному полу. Лилит снова взяла Артёма под локоть.

– Пойдёмте. Вы получили свою дозу впечатлений.

Они вышли обратно в грохочущий ад главного зала. Звонкий хруст разбитого стекла в голове Артёма окончательно стих, но ощущение хрупкости – осталось. Будто, всё его естество, все его защиты, да и сама реальность вокруг – всего тонкое стекло, и на нём теперь есть трещина с её отпечатками пальцев. И через эту трещину за ним теперь наблюдают. Те, что плавают в тёмной воде. Те, что парят в сладком, отравленном воздухе.

Он вышел на холодный ночной воздух, и тот показался ему невероятно чистым и пустым после удушья «Фантома». Но пустота эта была обманчива. Он увёз с собой в кармане очередной конверт с деньгами. И в самой глубине сознания – тихий, не стихающий звон чужого внимания.

Глава 5. Охотник за порывами

Три дня звон в голове не проходил. Он не был громким – тонкий, высокий, как комариный писк на самой границе слуха, но постоянный. Фоновая радиопомеха реальности. Особенно он усиливался в тишине: когда Артём пытался уснуть, сидел в пустом кабинете или просто смотрел, как дочь рисует, пытаясь поймать ускользающее чувство покоя. Звон напоминал: ты помечен. На тебя смотрят.

Деньги от Лилит лежали в ящике стола, чужая, толстенная пачка. Он ещё не потратил ни копейки, как будто прикосновение к ним окончательно втянет его в водоворот. Но искушение висело в воздухе квартиры, гуще запаха ужина. Ольга чувствовала перемену. Она не спрашивала, но её взгляд стал более внимательным, прикосновения – как бы случайными, проверяющими. В её ауре, рядом с той самой трещиной-паутинкой, которую он теперь видел постоянно, появилась тонкая, тревожная рябь. Как от брошенного в воду камня. Камня по имени Лилит.

Он не мог больше ждать. Ожидание разъедало его изнутри. И звон, этот проклятый звон, был не просто меткой. Он был... проводником. Чуть только Артём расслаблялся, граница между мирами начинала зыбиться, искажаться, как в жаркий день над асфальтом. «Фантом» тянул его обратно магнитом болезненного любопытства и страха.

Поэтому в четверг вечером, сказав Ольге, что задержится у клиента (технически это была правда, он сам себе и был клиентом), он остался в кабинете. Выключил свет, отключил телефон, сел в старое кожаное кресло, испещренное трещинками, и приготовился сделать то, чего избегал все эти годы – сознательное, глубокое погружение в тонкий план не для простого «видения», а для путешествия.

Ритуала не было. Только дыхание. Глубокий, медленный вдох, задержка, выдох – будто он готовился к прыжку с большой высоты. Он сосредоточился на звоне в голове. Не пытаясь его заглушить, а напротив – настроился на его частоту. Если это метка, то пусть станет маяком. Он представил, как его сознание, тяжёлое и плотное, как камень, начинает таять, становиться легче, прозрачнее. Как границы тела, начинают размываться.

Сначала отступили звуки улицы: гул машин, далёкие голоса. Потом погасли остаточные пятна света под веками. Мир погрузился в густой, бархатный мрак. И тогда начал проявляться *другой мир*.

Он не пытался придумывать образы. Он сами начинали *проявляться*.

Пространство кабинета предстало перед ним в виде скелета из сияющих, холодных линий – энергетических следов. Здесь, на стуле, – его собственный, беспокойный, с рваными краями отпечаток. Там, у двери, – застывший, липкий след пьяного клиента с его чёрным каналом. На столе – тусклое, невнятное пятно страхов и надежд сотен посетителей. Но всё это было блеклым, неинтересным. Его внутренний взгляд, ведомый назойливым звоном, рванулся сквозь пол, сквозь бетонные перекрытия, туда, откуда исходила тяга, – в сторону промзоны, к реке, к «Фантому».

Он не летел. Он *скользил* по наклонной, как поезд в тоннеле. Сияющий скелет города мелькал за окном восприятия: яркие узлы баров и ресторанов, тусклые свечения жилых домов, чёрные, прогнившие дыры заброшек. И впереди – пульсирующая, многослойная гроздь багрового и индиго. «Фантом». Его тонкоплановая сущность напоминала гигантский муравейник или улей, где вместо мёда текли густые, перебродившие эмоции.

Артём «приземлился» на окраине этого энергетического образования. Здесь, на подступах к главному световому ядру, царил хаос попроще. Это были задворки, помойка тонкого плана. Воздух (если это можно было назвать воздухом) был густым, вязким и звонким одновременно – он дрожал от обрывков музыки, смеха, стонов, криков. Всё было окрашено в грязные оттенки пота, алкоголя и дешёвого возбуждения.

И тут он увидел *их*. Тварей, которых заметил в клубе, но теперь в их естественной среде. Они не были привязаны к физическим объектам. Они были сами по себе, принявшими уродливую форму. Сущность злорадства в виде пернатого создания с клювом, клевавшего крошки чужих падений. Сущность тщеславия – переливающийся пузырь, раздувающийся от каждого взгляда и лопающийся с тихим всхлипом. Они сновали, копошились, дрались за более жирные крохи.

А среди них, чуть в стороне, двигалось что-то более целенаправленное. Не просто падальщик, а *охотник*. Артём сфокусировался.

Это существо было ниже многих других, приземистым, словно приплюснутым к самой плёнке реальности. Его форма постоянно текла, менялась, но основу составляло нечто, напоминающее то ли жабу, то ли голого землройщика с огромной, безглазой головой и широким, щелевидным ртом. Оно не летало, а *просачивалось*, перетекало от одного источника к другому. Его добыча была специфической: не грубый гнев или страх, а мимолётные, острые всплески страсти, похоти, того самого мгновенного вожделения, что вспыхивает и гаснет между незнакомцами на танцполе. Существо вытягивало длинный, тонкий, как червь, язык и ловило эти всплески, как мух, с быстротой хамелеона. Каждая пойманная «кроха» заставляла его бесформенное тело слабо пульсировать тусклым, розоватым светом. Оно было жадным, но осторожным, боязливо отскакивая от более крупных и сытых существей.

Похлебник. Слово пришло само, точное и омерзительное.

И тут Артём поймал другой след. Слабый, бледно-золотой, перепутанный с миллионами других, но всё ещё различимый. В нём чувствовалась лёгкая беспечность, тяга к яркому, к огням, и тот же химически-сладкий шлейф, что и на браслете. Сестра Лилит. Её эмоциональный отпечаток вёл с задворок вглубь, к самому сердцу энергетического клубка, в те самые «нижние залы», о которых говорила Морена.

Нужно было двигаться. Но Похлебник, казалось, охранял этот проход – или просто кормился рядом с ним. Артём попытался обойти, сжав своё тонкоплановое тело (ощущение, будто вытягиваешь живот и всё существо одновременно), чтобы стать менее заметным.

Не вышло. Похлебник замер. Его безликая голова повернулась в сторону Артёма. Он почуял не добычу, а *наблюдателя*. И в этом наблюдении, в самом факте внимания, исходящего от другого существа тонкого плана, было что-то для него непривычное и потому враждебное.

Существо издало тихий, скрипучий звук, похожий на трение пенопласта о стекло. Оно оторвалось от своего «пастища» и поползло, перетекая в сторону Артёма. Не быстро, но с неприятной, неумолимой настойчивостью голодного падальщика, который учуял не еду, а возможную угрозу своему кормовому участку или... возможную, *новую* еду. Ведь сам Артём, его сознание, проникшее сюда, тоже излучало вибрации. Страх, решимость, любопытство – всё это было пищей.

Артём отступил. Его тонкоплановый двойник дрожал, образ начинал расплываться. Страх возвращал его в тело. «Нет. Надо держаться. Надо увидеть, куда ведёт след».

Похлебник ускорился. Теперь он двигался, как гигантская пиявка, оставляя за собой слабый, липкий след. Расстояние сокращалось. Артём почувствовал исходящую от твари волну тупого, инстинктивного голода. Это не был интеллект. Это была функция: поглощать, отнимать, рассеивать.

И когда холодное, липкое присутствие существа почти накрыло его, сработал старый солдатский инстинкт. Не бежать. Атаковать.

Он не знал, как это делается. Он просто *захотел* оттолкнуть эту мерзость. Вложил в это желание всю накопленную за неделю ярость, страх, отвращение. Всю ту ржавую боль, что нёс в себе.

Из того, что служило ему здесь центром, рванула слепая, неоформленная волна силы. Не гармоничный резонанс, а грубый энергетический посыл, удар бичом.

Волна ударила в Похлебника.

Тварь взвыла – тонким, визгливым звуком, от которого задрожали энергетические струны пространства вокруг. Её бесформенное тело вздулось, исказилось и отлетело назад, как тряпичный мяч, ударившись о невидимую стену следов и рассыпавшись на мгновение на сотню мелких, судорожно бьющихся частиц. Они тут же сбежались обратно, но форма стала ещё более уродливой и неустойчивой. От существа теперь исходил не просто голод, а испуг и злоба.

Артём стоял, вернее, висел в пространстве, потрясённый. Он это сделал. Он *применил* силу. Не для защиты ауры, а для атаки. И это было... ужасающе легко. И пьяняще. В месте удара гудело, как после выстрела.

Собравшись, Похлебник уже не полез в атаку. Он сжался в комок, его щелеватый рот скривился в подобии злобной усмешки. И тогда Артём *услышал*. Не ушами. Воспринял напряжённую, как пучок грязных мыслей, брошенный в его сторону:

«С-с-ильный... Грубый. Глупый. Рвёмся туда, куда тебя зовут? Она уже в меню... давно смакована. И ты следующий. Метка на тебе... звенит. Для больших ртов. Мы только... за крошками с его стола...»

Сообщение, полное злорадства и жадного предвкушения, оборвалось. Похлебник, шипя, попятился и растворился в общей каше низших сущностей, как таракан в щели.

Артём остался один. Дрожащий от нового ощущения силы. Звон в голове после удара стал громче, превратился в настойчивый, зовущий гул. След сестры Лилит теперь казался не просто дорожкой, а *приманкой*, ведущей в самую пасть.

Он больше не мог здесь оставаться. Волна отдачи от удара начала выталкивать его, тонкоплановая проекция потеряла чёткость. Мир задрожал, поплыл.

Он рванулся *назад*, по энергетическому каналу, связывающему его с физическим телом в кабинете. Это было похоже на стремительное втягивание в узкую трубу под давлением.

Артём вскрикнул, вынырнув в своё тело, как тонущий. Он дышал, хватая воздух ртом, всё тело била крупная дрожь. Во рту стоял вкус меди и той самой сладкой химической гнили из «Фантома». Руки впились ногтями в подлокотники кресла.

Он сделал это. Он не только увидел, он *взаимодействовал*. И он узнал ужасную правду: сестра Лилит не просто пропала. Её... «смаковали». Она была в «меню». И теперь его метили как следующее блюдо.

Звон в голове понемногу стихал, возвращаясь к своему назойливому, фоновому писку. Но что-то изменилось. Теперь в нём была не просто метка, а *отклик*. Как будто его грубый выпад на тонком плане заставил что-то более крупное и внимательное повернуться в его сторону.

Он поднялся на ватных ногах, подошёл к раковине в углу кабинета и плеснул в лицо ледяной воды. Вода не помогла. Отражение в тёмном окне было бледным, с лихорадочным блеском в глазах. Глазах, которые теперь видели слишком много.

Он взял со стола ключи, потушил свет и вышел. Ему нужно было домой. К свету, к теплу, к Ольге и Кате. Заглушить этот звон привычными звуками – скрипом двери, голосом дочери, шумом воды в ванной.

Но когда он сел в машину и вставил ключ в замок зажигания, его рука замерла. В салоне пахло не старой обивкой и его собственным парфюмом. Слабо, едва уловимо, но пахло *ею*. Дорогими духами с ноткой увядающих цветов. Лилит.

Она не была здесь. Это было невозможно. Но запах висел в воздухе, как призрак, как обещание. Или как угроза.

Артём резко завёл машину, опустил все стёкла, впуская холодный ночной воздух. Он гнал по пустынным улицам, пытаясь сдуть с себя липкое ощущение тонкого плана, шипение Похлебника, сладковатую вонь «Фантома». Но самое ужасное было не это. Самое ужасное было

то, что в глубине души, под всеми слоями страха и отвращения, шевелилось тёплое, тёмное чувство удовлетворения. От того удара. От проявленной силы.

Он боялся не только того, что за ним охотятся.

Он начинал бояться самого себя. И того, что ему может начать нравиться эта охота.

Глава 6. Первая трещина

Деньги из конверта Лилит лежали в тумбочке, завернутые в старую газету, как труп. Артём не мог заставить себя положить их на общий счет. Они были «грязными» не в криминальном смысле, а в энергетическом. Каждый раз, открывая ящик, он чувствовал исходящий от них слабый, сладковатый холод – тот самый, что витал в «Фантоме». Это был аванс. И задаток.

Но они жгли его карман. Вернее, жгло желание доказать – кому? себе? Ольге? – что всё это не зря. Что его риск, его страх, этот проклятый звон в голове, могут быть оправданы чем-то осязаемым и хорошим. Простым и чистым.

Поэтому в субботу, когда Ольга с Катей ушли в кино, он совершил набег на самый дорогой детский магазин в центре. Ощущение было сюрреалистичным: он, в своей поношенной куртке, среди сияющего хрома и стекла, под оценивающими взглядами продавцов, рассматривал куклы с ценами, равными его прежнему месячному заработку. Он выбрал не самую дорогую, но самую сложную – огромную фею с меняющимися цвет крыльями, которая могла петь, рассказывать сказки и реагировать на прикосновения. Механическое чудо, упакованное в бокс с лентой. Он платил наличными, и кассирша долго, с подозрением разглядывала купюры, прежде чем отсчитать сдачу.

Он принёс коробку домой и поставил в прихожей, как трофей. Чувство было странным: щемящая радость от предвкушения Катиного восторга и тяжёлый камень на душе. Он купил этот восторг. Деньгами Лилит.

Когда вернулись Ольга с Катей, случилось ровно то, чего он ждал. Катя завизжала от восторга, увидев коробку, обняла его так, что перехватило дыхание, и тут же утащила подарок в комнату, забыв обо всём на свете. Её счастливый смех звенел за стеной, и на секунду Артём почувствовал себя героем. Тем, кто может. Тем, кто дарит волшебство.

Потом он встретился со взглядом Ольги. Она стояла в прихожей, ещё в пальто, и снимала шарф. Её лицо было спокойным. Слишком спокойным.

– Это что? – спросила она тихо, кивая в сторону, где валялись обрывки упаковочной ленты.

– Подарок. Кате. Ты же видишь, – он попытался улыбнуться, но улыбка вышла натянутой.

– Вижу. Откуда, Артём?

Вопрос прозвучал не как обвинение, а как констатация. Она знала. Она всегда знала.

– Хороший клиент. Расплатился щедро. За сложную работу, – он отвернулся, пошёл на кухню, делать вид, что ставит чайник. Руки сами искали привычные движения: вода, щепотка заварки, две ложки сахара в её чашку.

Ольга вошла следом, сняла пальто, повесила на стул. Её движения были медленными, точными.

– Какой клиент? – спросила она, садясь за стол. – Тот пьяный, который «заразился»? Или новая... клиентка. Та, что пахнет дорогим и чужим.

Артём вздрогнул. Он не говорил ей о Лилит. Вообще не говорил. Но Ольга всегда чувствовала запахи острее других. И не только физические.

– Неважно, кто, – буркнул он, ставя перед ней чашку. Пар поднимался ровной струйкой. – Деньги настоящие. Я их заработал.

– Чем? – её голос оставался тихим, но в нём появилась сталь. – Чем именно, Артём? Чистой аур? Или чем-то другим? Ты приходишь последние дни... пустой. И пахнешь не собой. Ты пахнешь тем местом. Той женщиной. И страхом.

Он ударил кулаком по столу. Чашка подпрыгнула, чай расплескался на скатерть тёмным пятном.

– Хватит! – его голос прозвучал натянуто хрипло. – Я работаю! Я таскаю эту чужую грязь на себе, чтобы у нас было что есть, чтобы Катя ни в чём не нуждалась! А ты... ты только и можешь, что вынюхивать и подозревать! Я что, должен отказываться от денег, потому что тебе не нравится, как они пахнут?!

Он кричал. Впервые за долгие годы кричал на неё. И в этом крике был не только гнев, но и отчаянная попытка заглушить собственный стыд.

Ольга не отшатнулась. Она смотрела на него своими спокойными, тёмными глазами, и в них не было страха. Была печаль. И усталость.

– Мне не нравится, как ты пахнешь, – сказала она очень чётко. – Ты пахнешь чужим. Ты меняешься. И эта кукла... она не пахнет тобой. Она пахнет тем местом. Той тоской, что от тебя теперь исходит. Ты думаешь, Катя этого не чувствует? Она играет, но она чувствует. И я чувствую.

Она встала, не притронувшись к чаю. Подошла к раковине, намочила тряпку, вернулась и молча начала вытирать пролитый чай. Её движения были напряженными, как будто она стирала не пятно, а что-то более грязное.

– Я не хочу этих денег, Артём, – сказала она, не глядя на него. – Я не хочу, чтобы ты ходил туда. Кто бы она ни была... что бы там ни было... это тебя съедает. Я вижу трещину. Не в ауре. В тебе.

Он хотел что-то сказать. Крикнуть, что она ничего не понимает. Что это его шанс. Его сила. Что он может зарабатывать больше, быть больше, чем просто чистильщиком аур. Но слова застряли в горле комом. Потому что она была права. Он менялся. И трещина была. Она прошла не между ними. Она прошла внутри него самого.

Он молча вышел из кухни, прошёл в спальню и закрыл дверь. Лёг на кровать, уставившись в потолок. Из комнаты Кати доносилось механическое пение феи. Этот звук теперь резал его, как нож. Он купил эту радость. И заплатил за неё не теми деньгами.

Ольга не пошла за ним. Она осталась на кухне. Потом он слышал, как она укладывала Катю, как читала ей сказку. Её голос был ровным, тёплым, как всегда. Ничего не произошло. И всё развалилось.

Ночью он проснулся от кошмара. Не о войне. О «Фантоме». Ему снилось, что он танцует среди теней, а Морена, с почти вертикальными зрачками, наблюдает за ним с высоты, и её лицо – это лицо Ольги, искажённое холодной усмешкой. Он проснулся в поту, сердце колотилось, как птица в клетке.

И тогда он *почувствовал*.

Это было не физическое ощущение. Оно происходило на уровне чуть выше кожи, в том самом энергетическом двойнике, который он раньше почти не осознавал. Ощущение было отвратительно-конкретным: влажное, шершавое, медленное движение. Как будто огромный, тёплый язык проводил по контурам его тонкого тела, от пяток к затылку. Область контакта не холодела, а наоборот – становилась липкой, «загрязнённой», будто после прикосновения оставляли плёнку засохшей слизи.

Он замер, боясь пошевелиться. Это не было галлюцинацией. Это было *здесь*. В его же спальне, в темноте, где слышно было лишь ровное дыхание Ольги. Он медленно, преодолевая парализующий ужас, повернул внутренний взгляд на себя.

В полумраке тонкого плана, в том слое, что накладывался на физическую реальность, он увидел *это*. Существо, похожее на гигантскую, бесформенную пиявку или слизняка, полупрозрачное, мерцающее тусклым, желтоватым светом. Оно облепило его энергетическое тело, присасываясь к нему множеством мелких, пульсирующих ртов. Оно не высасывало энергию. Оно *вылизывало*. Снимало, как слизи, тончайший верхний слой – его остаточный страх после кошмара, горечь от ссоры, чувство вины перед Ольгой, тщеславную радость от дорогой покупки.

Всю эту эмоциональную пену, что образовалась на нём за день. И делало это с отвратительным, животным удовольствием.

Это был не Похлебник. Это было что-то другое. Более низкое, более примитивное, но от того не менее омерзительное. Падалыщик, питающийся не первичными эмоциями, а их отходами. Отработанным «паром».

Артём попытался сдержать спазм отвращения. Его первым импульсом было снова ударить, отшвырнуть эту тварь, как он отшвырнул Похлебника. Но что-то удержало его. Инстинкт? Или страх разбудить Ольгу, показать ей *это*? Он лежал недвижимо, стиснув зубы, пока холодная, липкая волна проходила по его спине, плечам, затылку.

Тварь, насытившись, отвалилась. Он почувствовал лёгкий, неприятный щелчок, будто отлипает присоска. Существо, извиваясь, поползло по полу, просочилось сквозь щель под дверью и исчезло.

Артём лежал, глотая воздух. Теперь он понимал. Его метка – этот звон – была не просто маяком. Она была... разрешением. Приглашением на пир. Он был отмечен как источник, и теперь к нему, как к падали, сходились падалыщики разных мастей. Сначала наблюдали. Потом пробовали. Что будет дальше?

Он повернулся на бок, лицом к спящей Ольге. В темноте он снова увидел ту самую трещину рядом с её аурой. Теперь она казалась ему не случайной аномалией, а входом. Или выходом. Щелью, через которую в их тихую, спальную реальность могли просачиваться такие вот слизи.

Он осторожно протянул руку, не касаясь её, и попытался мягко, как когда-то рассеивал сгустки зависти в офисе, направить к трещине тёплую, ровную волну своего поля. Попытаться «залатать». Но как только его энергия приблизилась к разлому, он почувствовал тот же липкий, отталкивающий холод, что исходил от пиявки. Трещина была не просто повреждением. Она была *заражена*. Чем-то, что теперь знало и его вкус.

Он отдернул руку, сжался в комок под одеялом, чувствуя себя грязным, осквернённым. В комнате стояла тишина, нарушаемая только дыханием жены. Но для Артёма тишины больше не существовало. Её заполнял настойчивый, высокий гул в ушах, и под ним – тихое, влажное шуршание чего-то, что ползло по краям его реальности, выжидая, когда он снова подаст еду.

Глава 7. Клиенты с двойным дном

После ночи, проведённой в липком кошмаре бодрствования, день казался Артёму злой пародией на нормальность. Солнце светило натужно, сквозь промозглую дымку, отражаясь в лужах от ночного дождя. В ушах, поверх привычного теперь звона, стоял глухой гул усталости – будто кто-то всю ночь бил в набат где-то в соседнем квартале, в мышцах напряженная тяжесть.

Первая клиентка в десять утра. Её звали Валентина Семёновна, и выглядела она как классическая бабушка-пенсионерка: пуховый платок, пальто с протёртыми локтями, сумка-тележка. Только глаза были не добрыми, а острыми, голодными и невероятно скучающими.

– Мне коту приворот сделать нужно, – заявила она, усаживаясь в кресло и снимая платок с видом полководца, открывающего карту. – Беспородный он у меня, Марсик. Такой хороший, ласковый. А тут соседка, эта... (здесь последовало ёмкое, непечатное определение), подкармливать его начала. Колбаской. Теперь он к ней бегать начал. Изменяет гаденыш, понимаете ли, кот! Я не могу!

Артём смотрел на неё, и внутри у него медленно закипала какая-то истерическая, усталая пена. После «Фантома», Похлебников и энергетических пивовок – приворот коту. Абсурд достиг такой плотности, что стал почти осязаем. Он хотел рассмеяться. Или заплакать.

– Валентина Семёновна, – начал он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Я не маг. Я работаю с биополем людей. С их стрессами. Коты... у них своя энергетика. Я не...

– Деньги заплачу! – перебила она, шаря в сумке. – Не поспею! Вы мне его ауру, что ли, почистите, чтобы он эту хищницу забыл! Или на соседку что-то наведите, чтобы она котов не любила! Я слышала, вы можете.

«Что ты слышала, бабуля? – подумал Артём с горькой усмешкой. – Что я могу отталкивать голодных существей? Что меня облизывают по ночам?»

Но деньги... Сейчас даже мысль о деньгах вызывала у него спазм. Однако отказаться – значило признать, что он сломлен. А он не мог себе этого позволить.

– Ладно, – вздохнул он. – Давайте я... посмотрю на ситуацию в целом. Может, проблема не в коте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.